

Информант: Добкина Евдокия Григорьевна (Е. Д.)

Год рождения – 1938, Смоленская область, в Крыму с 1948 года.

Интервью записано: с. Добрушино, Сакский район, Крым

22.08.2004

Собиратели: Анатолий Кержнер (А. К.),

Тамара Жук (Т. Ж.)

Е. Д.: А вообще я в Сакском районе, в Сакском я с пятьдесят третьего года, я. У меня три диплома с отличием. Я окончила Симферопольское педучилище в 51-м году. А приехала я в Крым в 48-м году из Смоленской области, из Смоленской области я приехала. В Смоленской области, значит, мы на границе с Белоруссией были. Первые бомбы падали к нам. Мы выскочили из дома и - в лес. Нас четверо детей у мамы, папа у меня до войны умер, и мы шли тысячу километров пешком, тысячу километров мы шли пешком, до города Мичурина Тамбовской области. Там нас посадили в какой-то товарняк с коровами, с лошадьми и куда-то везли. Видимо, по идее, нас хотели везти в Среднюю Азию, так я..., но по дороге мы потеряли маму: станция Киней Куйбышевской области. Она пошла с котелочком просить там милостыню, там - военные эшелоны. Ну, короче говоря, мы ее потеряли, а потом она нас нашла. Какая же станция? Так же случайно и нашла в Куйбышевской области. Она нас довезла до станции Богоруслан – это бывшая Чкаловская, сейчас Оренбургская область. А так как мы уже все опухшие лежали в вагоне, она нас вытащила с вагона, да. Это было уже 25 сентября, а бомба упала у нас там 16-го июля. Война началась-то 22-го. Снег уже конечно на Урале. А мы вот так как выскочили – голые, босые. Я тогда ничего не понимала – мне 10 лет было. В смысле, что происходит вообще. Погрузили нас на какие-то сани, накрыли тулупами, а то уже привезли сдавать хлеб на эту станцию. По дороге мы слышим, что не по-русски говорят, татары, но не крымские, а казанские татары. Нас привезли в этот в колхоз Коминтерн, сейчас я могу вам показать документы. Оттуда мне никак, мне участника войны не дают. Оттуда сейчас прислали документы, что я там пасла телят, там то, то. Распределили по квартирам, привезли в контору. Председатель, как сейчас помню, Байбеков, такой фонарь летучий. Вот представьте себе, вы берете эту семью, вы – эту, вы - эту. Хоть бы кто заикнулся, что я не возьму. Хоть бы кто заикнулся, что я не возьму. Вот нас привели хозяину - он конюх. Он потом отвез в Волгоград, или в Сталинград лошадей – и так и не вернулся. Семь дочерей у хозяйки: Мизиян, Сарра, Гаян, Баян, Гехиде, Камиле, Халиме. Это у хозяйки. А у них две комнаты – одну нам отдают. Утром встаем – кто что несет. У них же там сзади за домом у всех эти – бани. А мы вшивые, а мы страшные, а мы грязные. Обмыли, отчистили. И кто что несет, кто что: кто катык, кто галоши какие-то. Никто не спросил, какой мы национальности, хотя мы евреи. Мы были евреи, никто не спросил. В нас видели людей, которых несчастье выгнало из дома. Никто не спросил, откуда, почему, кто мы такие. Я мечтала, когда я уйду на пенсию, я здесь была в этой школе двадцать пять лет директором школы, что я поеду. И низкий поклон этим людям. Они меня ждут до сих пор там, вон у меня куча писем. Но я как начала по больницам, когда ушла из школы. Как начала одну онкологическую, вторую операцию. А они меня ждут до сих пор – всё письма шлют.

Колхоз «Коминтерн», от Богоруслана тридцать километров. Вот у меня все документы.

Они прислали с подписями, с трудовыми, что я там пасла телят. Но это очень долго рассказывать там что. Вас интересует, больше наше село, наверное?

А.К: Как Вы приехали сюда, в Добрушино?

Е.Д.: Значит, я из Смоленской области приехала в сорок восьмом году в Крым, так как моя старшая сестра, старшая сестра – до войны окончила Ленинградский ин. яз. два курса, а когда вернулись с эвакуации, она, значит, послала, ну еще не вернулся с эвакуации. Ленинградский институт, еще не начал работать после блокады. Ей ответил Симферопольский институт, имени Фрунзе. И она поехала сюда. Тем более Крым, тепло, ни одежды, ничего нет. И окончила этот. Но она не пошла на ин.яз., она пошла на русский язык. Знаете, к немцам такая ненависть была после войны, и ее направили в Черноморск, она работала, сестра моя. Потом вышла замуж и в Симферополе жила, и вот я приехала к ней вроде бы в сорок восьмом году. И поступила в педучилище. Директором был Глушко Михаил Васильевич, потом Мухина там была директором.

Я наивная, несчастная, вот такой живот, потому что я хлеба не видела с начала войны. А это уже сорок восьмой год. Там ремонт, а я шла и не знала, куда я иду поступать. Я не знала. Я шла, шла по улице Ленина. Библиотечный техникум уже. Это было пятого августа уже, значит, набор закончился. И в конце смотрю – педучилище, зашла. Там какие-то доски. Он стоит. Он потом так смеялся, когда я стала секретарем парторганизации. Я ему вот так вот: «Дядя!». А он говорит: «Что такое?» Я, говорю: «Мне нужен директор». Он говорит: «Я - директор». Я говорю: «А почему Вы в белых штанах? У нас на Смоленщине простые то из льна, а потом красят». А он говорит: «Что, тебе не нравятся мои штаны?» Я говорю: «А почему они не покрашены?» «Слезай, ты, - говорит, - откуда такое чудо явилось? У тебя документы есть?» Я говорю, есть, я достаю торбочку и показываю ему документы свои. Он пишет записку на Госпитальной улице базовая школа педучилища: «Скорей мчись, скорей, последний поток. Ты кем хочешь быть?» Я говорю: «Не знаю. Я хочу учиться». Прибегаю, а она диктует: «мать у изголовья сыновей» - из Тараса Бульбы отрывок. А я кричу ей: «Ой, подождите!», сую ей эту записку. Короче, она меня посадила, заставила уборщицу меня помыть. Ну, я поступила. Поступила и получила одну тройку. По конституции. Тогда мы сдавали русский письменно, устно, математика – письменно. А я после восьми классов. А после семи я конституцию забыла совершенно. И как раз Жданов умер. Это первого сентября нас вытраивают и говорят, значит, кто тройку получил – стипендии не будет, значит, объявляет директор. Ну это, окончила педучилище с отличием. И подаю документы в наш институт. На филфак. Заканчиваю с отличием его. После педучилища мне предлагают: Ялта, Севастополь. Я говорю - нет, я хочу учиться. Предлагают в Ленинград на психолога в Герценский институт. А мне не в чем ехать. Нет, говорю, я здесь поступлю. Отдала, ну пятипроцентники, без экзаменов, поступила на филфак. После окончания мне опять предлагают хорошие места, а я говорю: «Мне дайте самую отстающую школу». И вот, я в Сакский район, Караймовская школа. Это от Сак тридцать километров. Я там проработала десять лет. Ни радио, ни воды, ни света, ничего. Одна слепая лошадь качает воду. Там я вышла замуж. Вот, мой муж умер два года тому назад. Очень порядочный человек, потом он окончил партшколу. Здесь он был председателем колхоза, председателем сельсовета - двенадцать лет. И вот перевод: он оканчивает партшколу одесскую и его переводят сюда, председателем колхоза. Ну, естественно, и я – вот в школу. Ну, что ж мне вам рассказывать. Так много есть что рассказать о нашей деревне, обо всём. Это, значит, мы сюда приехали – ни одного дерева

здесь не было. Ничего здесь не было. Ничего не было. Вот эта школа вот там вон стоит, три хатки такие. Это вот ту школу, которая сейчас тут – мой муж построил. Вот тут вот рядом с моим домом старенький клуб, страшенький такой. Но, но в этом клубе... Мне неудобно говорить, мой муж, значит, покупает костюмы, хор организует – 70 человек. Хор этот выезжал в Симферополь, на телевидении выступал. Сюда телевидение приезжало. Семьями ходили в этот, на хор. Потом мой муж находит руководителя детского духового оркестра в Евпатории. Человек приезжает три раза в неделю и с детьми. У нас такой был детский оркестр, который выезжал и в Симферополь, на всякие ярмарки, и на все праздники. Замечательный был оркестр. Построил там шикарный Дворец культуры мой муж. Едет, находит каких-то очень строителей, с ними едет под Севастополь, эту крошку подбирает оформлять этот клуб, спортзал шикарный там. Потом строит баню. Нет, сначала, когда мы сюда приехали, у меня был уже газовый баллон, потому что там, он значит там, в Крайновке, а потом его перевели замдиректором в совхоз «Черноморский». Сейчас это «Приморский» совхоз. А там кошары, чабаны и дали плитки с баллонами. И естественно специалисты себе взяли. Я сюда приехала уже с плиткой. У меня маленький коридорчик был. А здесь ни забора, ничего не было. Ночью коровы, быки в окно. Я ему говорю, Господи, да кто это? Муж говорит: «Да это с фермы, не переживай». Ферму он построил прекрасную, сауна на ферме была, столовая чудесная на ферме, медпункт чудесный – ничего нет... Ничего. Вы знаете, он из-за этого заболел, он сломался у меня психологически. Он не мог представить, как это всё развалили. Он не мог, он сам. Сам он сирота, у него отец погиб. Его отцу, моего мужа, стоит в Саках памятник. В Саках, в парке. И за конторой, там, где мы жили десять лет. Его отец тоже был до войны председателем сельсовета. А он эвакуировал, ему тринадцать лет было, весь скот вот это с Крайновки. Тиши по-старому называлась эта деревня, ну за Саками там тридцать километров. Да он всё, вот он так любил людей, он так старался, чтобы всё. Баню построил – не идут. Никто не идет в баню – люди не привыкли себя показывать. Иван Иванович, когда Вы пойдете, тогда и мы пойдём. Вот она стоит несчастная, разобрана эта баня. К нам ездили мыться с Елизаветово, с Солдатово, такая была чудесная баня. Женское отделение, мужское, шкафчики, клумбы вокруг бани. А когда он стал завозить баллоны людям, колхозникам – никто не берет – взорвется газ, баллон. Он посылал ко мне, чтобы я показывала как открыть баллон, как этот газ. Потом началась газификация. Вот наш колхоз первый, первый в районе был газифицирован. Первым. Он пять раз ездил в Киев. Пять раз, мой муж. Два раза на машине на колхозной, то - самолетом. И ук министру, и к подминистру на прием, чтобы ввели в план наш колхоз. И вот наш колхоз первый в районе газифицировали. Первый. И всё это он, он очень старался, он очень хотел – вот это открытие Северо-Крымского канала, всё это через маршала. У меня, я недавно отдала в школу все эти фотографии. Уже третий раз им даю – они всё музей, музей – ничего не делают. То, что я сделала, когда была директором, они всё куда-то, когда в новую школу переходили, всё куда-то исчезло. И сейчас, я говорю, на открытии Северо-Крымского канала мой муж стоит. Недавно приехали. Вы Евпаторийские? Сакские?

Т.Ж. и А.К.: Нет. Из Киева.

Е.Д.: Из Киева? Да вы что?

Т.Ж.: А Ваш муж тоже еврей?

Е.Д.: Муж? Нет. Мать у него – украинка, а отец – молдаванин у него был. Отец у него был

молдаванин. Отец у него, когда скот они выгнали, он, сестра,... У него мать умерла, при родах моего мужа, пятого она рожала. А отец, значит, сошелся с сестрой, ну, жены сестра. Она еще троих родила. Итого – их восемь. Все мальчики, одна девочка. Сейчас сестра в Саках, недавно вот приезжала его сестра. И когда они до Кубани догнали скот, значит, мачеха, ну она и мачеха, тетка – она с ним пошла. А когда первая бомбежка, она своих детей забрала, своих, которых она родила, и вернулась. А ее потом пять раз под расстрел водили. Муж – коммунист, председатель сельсовета. Ну, там сосед был староста и потому он ее как-то там защищал. А они до Кубани догнали скот. До Кубани догнали этот скот. И там уже, он говорит, я как раз на дереве сижу – войска идут. Идет председатель колхоза, Цыганков, который с его отцом, когда немцы вот это – крымские колхозы отступали, а он кричит: «Сынок, выгоняйте скот колхозный, гоните барашек, этих, коров». Он – председатель колхоза. Он говорит, я спрыгнул с дерева и говорю Цыганкову: «Дядя Федя, - говорю, - а мой папа где?» - Ванюшка, твоего папу убили под Севастополем. Вот, в Саках в парке стоит памятник погибшим коммунистам Сакского района. Вот его отец третий по счету. А когда начинается поминальный день вот там, в Крайновке, всегда начинается с его отца: «Помянем Ивана Ивановича Корнева». Но в паспорте он русский всегда.

А.К.: Скажите, когда Вы переехали сюда, евреи здесь жили?

Е.Д.: Евреи? Одна-единственная еврейская семья жила – баба Цыля. Баба Цыля. Вот она уборщица в конторе была. А так у нее... Как же ее фамилия, подождите. Сейчас у меня с ее дочкой тесная связь, с ее дочкой. Она – Хая, но зовут ее Рая. Вот, она недавно у меня была. Она мне привозит с еврейской общины с Симферопольской, газеты всегда привозит. Она, ее вот эту вот семью, бабу Цылю, спасли три местные жительницы, три. Вот одна недавно умерла, моя соседка. А они сейчас... Израиль им присвоил звания этими... праведницы. Израиль. Они посылки получали с этого, одна выехала в Евпаторию – дочка ее забрала. Уже старая. Воронина. Одна вот умерла, тетя Даша. Осталась одна – такая уже, ничего не понимает, тетя Люба. Это три праведницы мира. Они спасли вот эту еврейскую семью, бабу Цылю. А ее дочка сейчас в Симферополе, Рая. Вот она это хлопотала, документы. Я говорю, Рая, у тебя энергии - сколько она сделала, чтобы им Праведника мира присвоить. Недавно она прислала мне письмо и вырезку из газеты с еврейской общины, где статья вот об этой, уже после ее смерти, о праведнице мира – тете Даше. Вот здесь через дорогу – она умерла недавно. А больше здесь... было здесь, до войны много семей было. Вот магазин вот сейчас там стоит – вот магазин там стоит, это уже при нас строили этот магазин. Но на этом месте были расстреляны евреи и цыгане. И когда начали строить магазин, выкопали все эти кости. Всё это выкопали и перезахоронили на кладбище. Здесь вот. Пока я была здоровей, в школе всегда мы ухаживали за этим памятником всегда там. Написано, что похоронены остатки евреев, евреи и цыгане, которые были расстреляны вот здесь вот. И директор школы вначале был еврей, здесь много было семей евреев. Это бывший Фрайдорфский район. Сюда когда-то, когда-то здесь образовались еврейские колхозы. Когда-то они были очень богатые, здесь урожаи такие были. Их всех расстреляли. А вот недавно я была на кладбище, мы похоронили учительницу, с которой я проработала много лет. А она одинокая, как перст. Никого у нее нет. И вот учителя, которые вместе с ней работали, мы ее похоронили. Я говорю, девочки, она человек, учительница русского языка. Я говорю, что мы ее так бросим и всё. Так мы на кладбище собирали девять дней, ей сделали, и вот в понедельник сделали ей сорок

дней. Собрались учителя на кладбище. Я подошла к этому памятнику, еврейскому – запущено. Рая вот эта с Симферополя, она приезжает. На 9-ое Мая она всегда приезжает с мужем. Муж у нее русский, но ей помогает всегда там. Помогает порядок наводить. А потом после войны одна эта баба Цыля и была уборщицей в конторе у моего мужа. Ну, потом ее забрала старшая дочка, там она умерла, а эта вот в Симферополе, младшая ее дочка. А больше здесь – одна-единственная семья была – баба Цыля, труженица такая. Ну что я вам...

А.К.: А почему село называется Добрушино?

Е.Д.: Вот этого я ни от кого не могла добиться, ни от кого. Рядом – Елизаветово. По-старому оно совсем как-то по-другому называлось, что только тут ни. Ну я не знаю, наверное, считали, что тут добрые люди живут. По идее то так, по идее ведь так. Короче говоря, не знаю. Но здесь была я в 53-м году. Ни дорог, ни озеленения, люди получали палочки, трудодни. Вот мой муж переводил на денежную оплату. В 64-ом году он перевел на денежную оплату. Всё это почти. Сначала, значит, сюда ехали переселенцы: Полтавская область, Сумская, Винницкая. Так, муж поедет, значит, встречать их, поезд пришел, они приезжают, переночевали и удирают. Воды вообще не было: вот одна скважина, вот это вот. Никакой жизни, ничего здесь не было: ни воды, ни зелени, ни огородов, ничего. А с Украины – они привыкли: чтоб огород, чтоб картошка, чтоб всё было. И они утром удирают. Вон там вон улица Виноградная, Ленина, эта Комсомольская – эти улицы при нем все строились. Начал строить эти улицы, начал, значит, воду проводить. А воду – когда начали строить Северо-Крымский канал через нас недалеко, он и познакомился с директором этого, организации, которая каналом занималась. Даже его фамилию помню. Короче говоря, когда муж поехал в облисполком, чтобы скважину пробивать – воду чтоб сделать здесь, ему показали секретные карты, что водоносная здесь идет – это идет на Евпаторию, вам никто не разрешит здесь бить скважину. Это идет на Евпаторию. Вашей деревни здесь нет. Паневой, вот этот директор этого Крымканалстроя, говорит, знаешь что, Иван Иванович, да куда ты не иди. У меня в руках вся техника, - ну, знаете, Крымканал, у меня трубы, у меня всё, - я тебе пробью скважину. Вот там пробили такую скважину. Закольцевали с деревней. Вода, еще там пробили скважину, вон там пробили скважину. Люди не знали проблем с водой. Никто не платил за воду, платит колхоз за воду, пенсионерам всё было бесплатно. Он сделал воду бесплатно, свет пенсионерам – бесплатно. Всё это сделали бесплатно. Всё сделали бесплатно. Ну что – ничего нет, даже трубы выкопали, украли. Я не могу, вы знаете, я не могу. Недавно приехал председатель. Я сейчас не разбираюсь. Я знала раньше председателя райисполкома, а я пять созывов была депутатом, пять созывов подряд депутатом сельского совета и районного, председателем женсовета, председателем товарищеского суда. Тогда же это всё так было. Я не знаю, я не была членом партии, хотя меня уговаривали, просили, приезжали, говорю - нет. Во-первых, в школе нет парторганизации, тогда учителя – кто примет в партию? А быть с мужем в одной партийной организации я не хотела: там свои проблемы колхозные. Он говорит: «Достаточно, что ты у меня депутатом». Говорит, вечно, приходишь домой: не там я ударение сделал, когда доклад делал на сессии, там еще что-то не так сделал. Поэтому я в партию не вступала. Но если мне нужно было, какая-то проблема в школе, я шла в райком партии - и все проблемы решались, без разговора. Приезжал первый секретарь, Дмитриев, он и дома у нас был, спрашивал: «Как дела?» В школу просто так зайдет: «Как дела у вас? Что у вас, проблемы

какие-то? Что-то вам надо?»

Сейчас приехал Разумовский, секретарь. Никого нет на приеме, зайдите хоть Вы. Я говорю, это бесполезно. Ну, говорят: «Зайдите, пожалуйста». Я зашла. Он сидит. Я говорю: «Здравствуйте». Я говорю: «Вы Разумовский?». Нет, говорит, я – заместитель. Говорю, а что Разумовский? Висело объявление, что Разумовский должен быть. Говорит, а зачем сюда приезжать, если миллион проблем, которые вообще, вообще, если вам всё рассказать. Всё разворовали, всё растащили. Поля, заросшие этим самым, фермы нет, тысячу триста голов скота, вы представляете! Тысячу триста – племенная ферма была, племенная. Выходили концерты там давали, красный уголок был, флаг поднимали в честь передовой доярки. Ничего нет, ничего. Это реформировали сельское хозяйство. Это реформировали. Он говорит: «Присаживайтесь! Представьтесь». Я представилась. Я говорю, только вы не переживайте, я ни, жаловаться не буду, это бесполезно, вы знаете, я ничего просить у вас не буду. Мне, говорю, государство дало сто семьдесят рублей пенсии – спасибо. Инвалиду второй группы – спасибо. За сорок шесть лет работы, сорок шесть лет работы в школе. Без единого дня перерыва, без единого дня перерыва. Спасибо говорю за это.

А.К.: А что-то о еврейском колхозе, который был до войны, Вы можете рассказать? Вы знаете что-то?

Е.Д.: Вот этот, который был, когда я приехала? Вот, слушайте. Я ему говорю, я ему говорю, вот, вы хаеете колхозы...

А.К.: Нет-нет-нет. Колхозы, которые до войны были. Еврейский колхоз.

Е.Д.: Этого я не знаю.

Т.Ж.: Скажите, а вот в вашей семье была какая-то традиция, еврейские праздники отмечали?

Е.Д.: Праздники? Хороший вопрос. Но, до недавнего времени я вообще ничего об этом не знала. Нас так воспитывали, нас так воспитывали. Я ничего не знала, ни о еврейских праздниках, ни о своих, по-настоящему, корнях. Ничего я не знала. Сейчас я стала интересоваться этим. Вот в этом году почему-то подписали, еврейская община подписала, две газеты получала я еврейские на русском языке, на русском. И я там узнала такие вещи, что и та, и та, и тот – все евреи они были. Но ведь все скрывали. Но я ведь тоже – Евдокия Григорьевна. Разве я Евдокия Григорьевна? Я разве Евдокия Григорьевна по-настоящему? У меня отец, как потом выяснилось – Енох. Отец мой – Енох. Но время было такое – у меня род мой, род – у меня очень талантливые родственники все. Но из-за пятой графы, из-за пятой графы всё было вот так вот: когда приезжали сюда в школу там то билеты распространять в театр, всё там: «Вы – директор школы? Еврейка? Вы последняя из могокан, наверное?» В 80-ые годы, знаете, было ужасно всё. Было ужасно. У меня это, у меня сейчас племянник в Ялте – он заместитель председателя Ялтинского горисполкома. Добкин Геннадий Ефимович. Еврей отец. Вот, у него берут интервью. Это привезла мне, вот он на фотографии. А эпитафия: не терплю тупости и равнодушия. Сейчас я очки... это такой, это такой талант. Он окончил ялтинскую школу с английским, на английском языке он ее окончил. И когда его отец повез в Москву поступать в Институт международных отношений, он, хотя у него мама – пять классов образования, а когда мой брат туда зашел, а брат поехал, потому что он знал, что его не примут туда. Хотя он умница, талантливый

парень был. И ему говорят: «Ваш сын не поступит сюда». – Он говорит: «Я знаю, я знаю». – «Не теряйте зря время». – Он говорит: «Как мне ему это сказать? Как мне ему это?» А в паспорте он – русский. Мама- русская, но он же пишет: папа – еврей. Ну, он же пишет в этом, в биографии своей при поступлении. Брат вышел, говорит:

- Гена, это пустой звук, тебя не возьмут.

- Папа, почему? - «Ну, не возьмут тебя».

А там говорят в комиссии приемной: «Ну, Вы найдите слова, объясните ему». Он говорит: «Как? Как я объясню ему? Он воспитан по-другому совсем». Ну, короче, поступил он в Московский финансовый и с отличием его окончил. Мне это интервью до того интересно – молодец, Генка! Умница! Интересно – любимые города: Ялта, Лондон. А он был в Париже, в Лондоне, в Германии. Везде его оставляют работать. То так три месяца поездил, потом говорит: «Нет, я – в свою страну». Любимый напиток – водка, главное – не мешать разные сорта. С юмором парень. Любимая еда – всё, кроме оливье. Любимое число -13. И вот, он когда, куда его только не рекомендовали: пятая графа - всё, всё. Пятая графа – всё. А сейчас он – заместитель Ялтинского, председателя Ялтинского горисполкома.

А.К.: Скажите, Вы сами еврейский язык знаете?

Е.Д.: Я – чистокровная еврейка.

А.К.: А язык знаете?

Е.Д.: Понятия не имею. Понятия не имею. У меня сын, сейчас он в Евпатории живет, шесть лет пробыл в Израиле, шесть лет пробыл в Израиле. Окончил школу, десять классов, забрали в армию. Не успел он ничего, ни специальности, ничего, но шофер. Всех военкомат тогда посылал на курсы. Пришел с армии, женился на своей однокласснице – она окончила Донецкий торговый институт. С бедной семьи девочка, сейчас ее отец умер, мать умерла. Он работал в воинской части, а потом шофером, под сокращение попал, и вот встречает его товарищ, с которым он работал, говорит: «Олег, ты чего сидишь?» А у этого, товарища его, жена еврейка и он уже в Израиле год пробыл. «Давай в Израиль». Он приходит: «Мама, у нас где-нибудь есть родственники в Израиле?» Ну, я знала, что есть такая страна – Израиль, но я не вникала, зачем и что это. Я говорю, и зачем это? – Да так. Короче, они начали с женой оформляться. Начали это, скрывая от меня. Знали, что я противница этого. Потом я, когда в онкологии лежала – первую операцию делали. Год они оформлялись. Когда они в ОВИР понесли документы: Корнев Олег Иванович, Корнева Евдокия Григорьевна – мама, по какой? А в Израиле принято, чтобы мать еврейка была. Какая она еврейка? А он говорит: «Как? Но в паспорте – еврейка». Сейчас в паспортах нет национальности, а тогда. А ему в ОВИРе говорят: «Да, сейчас все хотят евреями стать» - в ОВИРе говорят. Они развернулись и ушли. А они послали запрос, ОВИР, в Смоленск, в архив. Оттуда ответили, что всё сгорело, в Смоленске. Я говорю, Господи, да все самые ужасные бои там были, всё сгорело, архива нет. Ну, короче говоря, дали им добро в Киев в ОВИР ехать. Там они приехали, то же, мол, какие вы евреи? Вы не евреи. Короче говоря, а вербовались они как у них там, кацубы-муцубы как колхозы у нас, туда он вербовались в Израиль. А потом ждут-ждут-ждут-ждут-ждут – факс должен прийти, а ничего нет. А уже виза заканчивается, срок. А им в ОВИРе говорят: «Да езжайте уже так». А моя ученица с этой деревни в Израиле. Она - русская, вышла замуж за еврея. Так она приехала в отпуск к маме, лекарство привезла, мама парализованная была. Ну, он с ней, я не знала, что он с ней беседовал. С Таней. Я говорю, Танька, я тебя русскому не могла научить, мучилась с

тобой, а ты... что ты там делаешь в Израиле? Она потом говорит: «Ваш сын приходил, Евдокия Григорьевна. Я сказала: "маму твою я отлично знаю, а если ты не пьешь, и если ты труженик – то будешь жить». Ну, короче, связались с ней, а они прилетели в этот аэропорт, они их встретили. В аэропорт их не пустили сразу где-то там. Сразу дали в аэропорту им деньги какие-то там, шекели, шестьсот чтобы в гостиницу. А когда в аэропорту здесь, а внук, пятнадцатый год уже ему, вчера вот уехал. А позавчера с Израиля приехали вот соседи, вот, Филькенштейны, в отпуск из Израиля. И Вадим этот, мальчик, друг моего внука, пришел. Сидим тут, долго мне всё рассказывал, как школа, питание там, какие предметы. Иврит, говорит, быстро выучил, а вот арабский мне трудно дается в школе. Ну, короче, они уехали в этот Израиль. Ужас. Она убирала квартиры. Шесть квартир, невестка. Сын был грузчиком и молот специн, а потом уже хозяин его взял к себе работать, а она тоже пошла на завод.

Короче, они приехали. Шесть лет пробыли и купили квартиру в Евпатории, купили хоть поддержанную машину, купили. Тут бы они в жизни бы не заработали, никогда в жизни. Но работали они по восемнадцать часов в сутки. Там так номер не пройдет как у нас в стране - лишь бы, лишь бы день прошел. Там надо работать. Но вера вот - очень много добрых людей там. За квартиру они пятьсот долларов платили в месяц, пятьсот долларов. А этот мальчик вот, что приехал, Филькенштейн – говорю, Вадим, вы уже не на квартире? Он говорит: «Мы купили квартиру трехкомнатную за сто двадцать тысяч долларов, в рассрочку на 15 лет, что ли». Купили квартиру. Сто двадцать тысяч долларов – это самая дешевая.

А.К.: Хорошо, спасибо. А скажите, а есть кто-либо в Добрушино из старожилов, может быть, кто мо бы нам рассказать о селе?

Е.Д.: Вам о деревне-то? Да я вам не всё рассказала. Я сама себя перебиваю. Есть тут Щербакова Антонина Николаевна, все остальные поумирали. Иван Иванович Черлецкий – но он уже, вот я вчера его видела ему под девяносто, Черлецкий уже ничего не соображает. Так его жена – праведница мира, а он уже ничего не понимает. Воронин умер, никого не осталось. Вот Щербакова Антонина Николаевна – она местная. Она...

А.К.: А где она живет?

Е.Д.: А очень просто. Это выйти вот на Урожайную, вот эту улицу вот где клуб идет. Вот это в самом конце, в самом конце там большой дом такой есть, ей колхоз построил, вот и всё. Ну, вообще-то для чего это вам? Куда это вам? Для чего это вам?

А.К. Это у нас этнографическая экспедиция.

PAGE

PAGE 1